

желание «порозну ходяче ясти и пити», т. е. кормиться за счет благочестивых людей.

Рисуя идеал христианского поведения, основанного на «страхе божием», Измарагд осуждает внешнее лишь соблюдение правил этого поведения, обличает лицемерие во всех его проявлениях, противопоставляя формальному выполнению этих правил искреннее и деятельное их применение: необходимы деятельная вера и внутреннее молитвенное настроение, подлинные христианские добродетели, осуществление в жизни христианского отношения к людям.

С характерными, например, бытовыми подробностями «Поучение Иоанна Златоуста о посте» резко осудительно описывает формальное соблюдение поста: «Аще бо кто не пьет пития, ни мяс ест, а всяку злобу держит, то не пуще есть скота — всяк бо скот не яст мяс и пития не пьет, кая унцина есть сушащему тело свое, а не накормляюще алчнаго и жаднаго»; «алчба бо ничтоже без добрых дел... не входящая сквернит человека, но исходящая от уст: лжа, клевета, укорение, осуждение, словеса неподобная и срамныя» (В. А. Яковлев, стр. 70—72).

Однако, восхваляя пользу поста для «спасения души», Измарагд не зовет к аскетизму, рекомендует пост «по силе» (Измарагд, ч. 2, л. 78 об.). Главное — воздерживаться от всякого зла: «пост бо без добрых дел неприятен есть» (там же). Эта мысль проходит через все поучения о посте (ч. 2, лл. 77 об.—80). В конце концов поучения ведут к посту как воздержанию не столько от излишней пищи, сколько от всяких «злюб»: «Не спасет нас жестокое воздержание, аще злюб не останемся, от всего бо поститися подобает — лжи не глаголати, и гнева не имети, не завидети, и весь злобный и клятвенный обычай оставити — истинный есть пост» (ч. 2, л. 80). Итак, учение о посте сводится прежде всего к требованию воздерживаться от «злых дел» и настроений, делать добро ближним. Стремясь, однако, доказать пользу и воздержания от «многоядения», «Слово святого отца нашего Василия Кесарийскаго о святем посте» (ч. 2, л. 87—87 об.) спорит с теми, кто говорит, будто пост приносит «телу немощи»: «Многажды бо толстиши тело пищама, пиянством, ныне же в пост предайся. Нужа бо от яди отягчену метатися стоняще, яко же и ладья гружаема, тако и телеса, часто сытостью отягчаема, вскоре потопима недугом будут. Добре же и легкою пищею от недуга, аки от лютыя зимы, отбегают». Такого рода разъяснения обращались, очевидно, к тем «богатым и немилостивым», обличению которых в Измарагде уделено много места.

Однако поучения Измарагда о пользе поста не дают основания усматривать в старшем его виде «дух аскетизма», свойственный идеологии строгельничества, как это делает Н. П. Попов (стр. 41). Если Измарагд нередко подчеркивает значение поста как подвига духовного, строго осуждает мирские развлечения — игры, пляски, песни, то ведь это общие места всей религиозно-учительной литературы средневековья.

Призывая к добродетельной жизни и обличая всякого рода нарушения моральных требований, учительные «слова» стремятся убедить конкретностью изображения, подкрепить отвлеченные рассуждения бытовыми образами, наглядно представляющими должное и осуждаемое. Например, необходимость быть «милостивым» поучения доказывают не только тем, что милостыня «очистит грехи» и принесет «спасение души». «Слово о милостыни и о смирении» (Измарагд, ч. 1, л. 16 об.), во-первых, точно предупреждает, что не следует «в телесных потребах» делать различия между людьми: не отказывать «ни злу, ни добру ли праведну». Во-вторых, оно конкретно перечисляет виды помощи: «Аще бо насытился еси пищама брашны различными, накорми алчющаго хлебом; напиа ли ся попремногу,